

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГЕНЕЗИС ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ В ДОМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Е.Б. Барина

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена формированию и развитию международных отношений Китая и Центральной Азии в домонгольское время. С древних времен характер внешних связей Китая диктовала государственная политика. В эпоху средневековья сложился принцип отношений с западными государствами, основанный на взаимовыгодном торговом сотрудничестве.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, домонгольский период.

С древних времен характер внешних связей Китая диктовала государственная политика. Формирование принципов взаимоотношений Китайской империи с ближними и дальними государствами проходило на протяжении нескольких тысячелетий. Характерными для древнего Китая можно считать два основных типа межгосударственных отношений: в основе первого лежит концепция «ди го» — «равных государств», второй базируется на конфуцианской доктрине «мироустраивающей монархии», которая рассматривала все другие страны в качестве потенциальных данников по отношению к Китаю. В эпоху средневековья под влиянием реальной обстановки, когда для Китая стали возможны отношения с развитыми государствами Центральной Азии, сложился третий тип отношений, основанный на взаимовыгодном, прежде всего торговом сотрудничестве.

Доктрина «ди го» получила развитие в периоды Чуньцю (VIII — начало V в. до н.э.) и, особенно, Чжаньго (V—III вв. до н.э.). Она нашла отражение в традициях школы «цзун хэн», деятельность которой была связана с теорией и практикой межгосударственных отношений. Название школы происходит от наименования двух типов междуцарских союзов — «цзун» («союз по вертикали», или «союз север-юг») и «хэн» («союз по горизонтали», или «союз восток-запад»). Эта школа ставила целью готовить для правителей советников по делам внешней политики. Школа придерживалась принципов даосско-легистского толка, ее учение исходило из сугубо практических задач внешней политики, игнорируя любые другие мотивы,

кроме государственной выгоды. «Союз по вертикали» как тип межгосударственных соглашений возник на рубеже IV—III вв. до н.э., когда на политическое господство в Китае стали претендовать циньские ваны. Он ставил целью создать антициньское объединение царств, расположенных в направлении «с севера на юг», на основе их равноправного участия в противодействии циньской агрессии. «Союз по горизонтали» теоретически объединял царства проциньской ориентации, расположенные в направлении «с запада на восток», с целью вмешательства в дела других государств.

Таким образом, теория равных партнеров исходила, прежде всего, из практики взаимоотношений «срединных царств» между собой и имела длительную и прочную традицию отношений равноправных государств.

Однако нередко этот же принцип использовался и при заключении договоров с «варварами». В науке такая традиция получила название «стратегической дипломатии». На практике принцип «ди го» проявился в начальный период империи Хань в отношениях с хунну, закрепленных договором «о мире и родстве» 198 г. до н.э. [9. С. 270]. На раннем этапе развития отношений Ханьской империи с соседними странами договоры «о мире и родстве» не имели в виду какой бы то ни было зависимости от империи и подразумевали, по сути, равенство договаривающихся сторон. В рамках этой концепции взаимоотношений с соседними и отдаленными государствами распространяются такие формы внешнеполитических связей, как «клятвенные договоры» (мэн), заключенные «перед лицом духов». Закрепление добрососедских межгосударственных отношений путем заключения равноправных династических браков. Заложничество сыновей правителей обеих сторон.

Иной принцип, который оказал существенное воздействие на теорию и практику межгосударственных отношений Китая, возобладали со времени правления У-ди (140—87 гг. до н.э.). Он исходил из конфуцианской доктрины «мироустроительной монархии», которая была непосредственно связана с теорией неполноценности «варваров» (т.е. всех запредельных народов) и рассматривала все другие страны в качестве данников по отношению к Китаю. В основу учения Конфуция (551—479 гг. до н.э.) о Сыне Неба как мироустроителе и владыке Вселенной легла идея об исключительности жителей «срединных царств». Согласно этой концепции предлагалась схема односторонних внешнеполитических отношений Китая с ближними и дальними народами и царствами, которые должны были выражать ему покорность. Неподчинение правителю рассматривалось как преступление. Китайская территория делилась на пять (по другой версии, на девять) вписанных один в другой территорий-квадратов; в центре располагалось Чжоу. Наиболее удаленные от Чжоу территории занимали племена, чьи союзнические обязательства в отношении к Сыну Неба были минимальными, сводясь к военно-оборонительным функциям.

Со временем синоцентрическая концепция и теория этнокультурного превосходства жителей «срединных царств», населявших центр Вселенной, над окружающим окраинным миром «варваров четырех стран света» стала распространяться на межгосударственные отношения и дипломатию Китая со странами и народами, расположенными за его пределами. Это были племенные объединения юэчжей

и хуннов на северной периферии ханьского мира, тибето-бирманские народы на западе и т.д. Был выработан специальный ритуал приема послов, который ставил целью подчеркнуть подчиненное положение правителя, пославшего посольство, по отношению к китайскому императору. Обмен посольствами обязательно сопровождался вручением даров. Китайский двор такие «подношения» чужеземных послов рассматривал как знак изъявления покорности, хотя они могли представлять собой лишь обычные для того времени посольские дары, никак не связанные с признанием зависимости со стороны пославших их правителей [1. С. 40].

В рамках «мироустроительной» концепции преобладали силовые приемы в налаживании межгосударственных взаимоотношений. Более того, именно ко времени формирования этой доктрины, т.е. к периодам Чуньцю и последующему Чжаньго относятся все четыре дошедших до нас древнекитайских сочинения о военном искусстве: Сунь-цзы, У-цзы и трактаты Вэй Ляо-цзы и Сыма Фа. На учениях Сунь-цзы и У-цзы была построена практика военной стратегии и тактики, вся философия и теория военного дела в древнем Китае. Сунь-цзы рассматривал войну как «борьбу из-за выгоды»: «сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего, лучшее из лучшего — победить чужую армию не сражаясь. Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника, на следующем месте — разбить его союзы, на следующем месте — разбить его войска» [3. С. 361]. Важным моментом победы У-цзы выделяет захват пленных [4. С. 81].

Не менее важным аспектом межгосударственных взаимоотношений были мирные договоры. Гарантии таких соглашений нередко обеспечивались династическими браками или заложничеством сыновей правителя. Причем, если на ранних этапах китайской истории в периоды Чуньцю и Чжаньго заложничество носило взаимный, двусторонний характер, то в ханьское время оно стало односторонним. Наличие заложников при китайском дворе соответствовало эгоцентрической концепции, так как заложники свидетельствовали о подчиненном положении присылавших их стран. Через заложников, воспитанных в конфуцианском духе, Китай также осуществлял идею распространения своего политического и культурного влияния на другие народы, считая их проводниками своей политики. Этой же цели служила и «практика породнения путем перекрестных браков». Во-первых, она служила залогом внешнеполитической стабильности во взаимоотношениях царств. Во-вторых, отправляемые в жены иноземным правителям китайские «царевны» приезжали к ним с многочисленной свитой и продолжали там следовать своему привычному образу жизни. Детей от смешанных браков матери также воспитывали в китайских традициях.

Немаловажную роль заложники играли и в осуществлении традиционной политики «подчинения варваров руками варваров». Ее истоки восходят к концепции союзов «по вертикали» и «по горизонтали», в основе которой лежало использование противоречий между отдельными государствами, раздувание взаимной вражды, вплоть до военных конфликтов, с целью ослабления этих царств.

Активность международной политики Китая и сложность ритуалов, связанных с разными аспектами внешнеполитической деятельности, обусловили появле-

ние особой группы людей, владеющих специальными знаниями и навыками, необходимыми для выполнения задач дипломатического характера, знающими всю процедуру заключения союзов и ведения переговоров.

Одним из таких послов был Чжан Цянь, посланный в 138 г. до н.э. к юэчжам с целью установить с ними связи и заключить военный союз против хуннов. Сведения, собранные путешественником о Западном крае, расширили географический кругозор древних китайцев. Основные сведения содержатся в отчете о его поездках, где он описывает встречающиеся ему по пути племена и народы. В его отчете содержатся сведения о западной части Азиатского материка вплоть до Персидского залива и Средиземного моря. Чжан Цянь наметил трассу из Китая в Индию через Бирму и Ассам, через моря юго-восточной Азии. Впоследствии на рубеже II—I вв. до н.э. по этим маршрутам прошла южная ветвь Великого шелкового пути из Восточного Китая в страны Центральной и Западной Азии. Что касается путей на Запад, то Чжан Цянь предлагал пробиться на запад через земли хуннов в направлении, которого он придерживался в своем путешествии, установить прямой и непосредственный контакт с Даванью, Юэчжи и Дася, странами богатыми и сходными по своему укладу со Срединной империей. С этого времени большое значение во внешней политике императорского двора стали придавать захвату путей между империей и западными странами и установлению с ними регулярных связей [13]. Однако для этого необходимо было сломить могущество хуннов в Западном крае, заселить пустующие земли военными поселенцами, построить заставы и крепости, которые могли бы защитить торговые караваны от набегов кочевников.

С целью осуществления этого плана в 128—119 гг. до н.э. крупнейшими китайскими полководцами Вэй Цином, Хо Цюй-бином и Ли Гуан-ли были проведены военные экспедиции, которые нанесли хуннам ряд тяжелых поражений. Китайскими переселенцами из Шэньси был заселен Ордос; на территории современной провинции Ганьсу были проведены каналы для орошения полей и поселено около 50—60 тысяч военных поселенцев. Продвигаясь далее на запад, китайцы освоили и заселили Цзюцюань (Суч-жоу), Увэй, Чжанье, Дуньхуан. Недалеко от Дуньхуана были выстроены две мощные крепости — Янгуань и Юймыньгуань, в которых были размещены сильные гарнизоны. Опираясь на созданные таким образом военные базы, китайцы смогли приступить к выполнению своей главной задачи — к открытию регулярных торгово-дипломатических связей со странами, расположенными к западу от них.

Первое посольство было отправлено в государство Давань (Фергану). Убийство китайского посланника повлекло за собой ряд походов китайских войск на Давань. В результате этих походов Давань была разбита и подчинена, что открыло Китаю прямую дорогу в Центральную Азию. Тогда же был проложен торговый путь на Запад, впоследствии ставший известным под названием Великого шелкового пути.

Ханьская династийная история «Ханьшу» описывает две дороги — Южную и Северную, проходившие через Восточный Туркестан на запад. Южная дорога

вела через Тянь-Шань (район Лобнора), Памир в Бактрию и Парфию. Северная дорога, начинаясь в Турфанском оазисе, следовала вдоль Тянь-Шаня, по реке Тарим на запад до Кашгара, затем через Памир и далее шла к Фергане, Среднеазиатскому Междуречью и в район Нижней Волги и Северного Причерноморья. Первоначально в связях между Западом и Востоком более важное значение имел Северный путь через степи Евразии, чем Южный, активная деятельность на котором начинается с I в. до н.э. [6. С. 244].

Обмен посольствами и торгово-дипломатическими миссиями вскоре стал частым и обычным делом, осуществлявшимся регулярно. Из Китая ежегодно отправлялось не менее 5—6, а в отдельные годы более десяти караванов [5. С. 118]. Посылка таких миссий на запад была делом государственного значения, а количество и состав их определялся непосредственно двором. Торговля первоначально не отделялась от внешней политики. Однако с развитием торговых связей на смену облеченным в дипломатическую форму торжественным взаимным подношениям приходит обычная частная торговля.

До I в. отношения Китая с окружающими народами строились, главным образом, исходя из политических приоритетов, а все торгово-экономические контакты осуществлялись не в рамках государственной политики, а как инициатива частных лиц. Товары и ценности, которые получал Китай от соседних народов в ранний период, расценивались как часть даннических отношений. Можно предположить, что с первых веков н.э., когда взаимовыгодная торговля с окружающими народами уже вполне сложилась, Китай начинает включать торгово-экономические реалии в осуществление политических отношений, и, главное, осуществлять государственный контроль. К концу I в. н.э. количество прибывавших к границам Китая торговцев и размах торговли достигли таких масштабов, что ханьское правительство учредило специальный пост «директора гостей». В Китае был организован штат военных чиновников, которые должны были систематически посещать государства Западного края с целью обеспечить беспрепятственное движение китайских послов и торговых караванов в страны Центральной Азии и далее на юг и на Запад.

Торговля между китайцами и иностранными купцами велась в основном в Западном крае. Китайские купцы привозили свои товары на крайние западные границы империи. Здесь, в районе Каменной Башни, заканчивалась «китайская часть» Великого шелкового пути, поскольку дальше нее китайцы предпочитали не заходить. Однако и китайское правительство почти не допускало иностранцев внутрь империи (если они не входили в официальные посольства). Покупателями были в основном согдийские купцы, обменивавшие свои товары на китайские.

Однако в I—III вв. Китай периодически терял влияние на Западе. Этому способствовали три обстоятельства. Во-первых, из-за осложнившейся внутривосточной обстановки в самой империи Хань правительство не могло осуществить эффективный контроль над вассально зависимыми территориями. Во-вторых, борьбу за обладание территорией Западного края начинают местные правители. В-третьих, воспользовавшись распрями между местными правителями и ослаб-

лением Китая, резко усиливает свою военную активность в регионе Кушанская держава.

Падение империи Хань на рубеже II—III вв. повлекло за собой глубокие перемены, в результате которых было утрачено единство Китая. Кушаны в этот период не только распространили свое влияние на территорию бассейна Тарима, т.е. на большую часть владений Китая в Восточном Туркестане, но и включили их в состав своей империи вплоть до завоевания их собственных территорий Сасанидами в 230 г. [12. С. 597].

В III—VI вв. монополией на торговлю между Ближним Востоком и Китаем фактически завладело государство Сасанидов (224—651 гг.) благодаря своему географическому расположению (от Мерва до Месопотамии) и высокоразвитому ремеслу. Серебряные монеты Сасанидов — драхмы служили тогда своего рода международной валютой Азии и в VI в. имели широкое хождение на северо-западе Китая в Ганьсу с согласия властей. С середины V в. северовэйский двор принял более десяти сасанидских посольств.

Крупнейшим партнером и соперником Сасанидской державы в восточной торговле было Согдийское царство. Уже в III в. колонии согдийцев прочно обосновались в оазисах Кашгарии, Лянчжоу и даже внутри Китая. Например, письменные сведения о существовании согдийской общины в Дуньхуане относятся к IV в. [10]. Согдийские колонии были и в других важных торговых центрах: Гуцзане (затем Лянчжоу, совр. Увэй), Цю-цюане, Шаньшане вблизи оз. Лобнор, в оазисе Иу (Хами) и т.д. К VI в. торговый оборот Согда с Китаем достиг наибольшего расцвета, а согдийский язык стал общепризнанным языком международного общения от Мерва до монгольских степей.

Из оазисов Западного мира в Китай поставляли золото, яшму, несгораемую асбестовую ткань, высококачественный войлок, а также верблюдов, лошадей, павлинов, зебу. Отсюда же проникло в Китай искусство виноделия. Чай и вино использовались как бодрящие напитки. Начиная с III в., обычай пить чай распространился из Китая в западные страны.

Следующим этапом в развитии международных контактов между Китаем и Западными странами был период VI—VII вв., когда Сасанидский Иран предпринял попытку блокировать торговлю по Шелковому пути и пришлось искать обходные дороги [11]. В начале VII в. сановник Пэй Цзюй был послан на северо-запад с поручением расширить дипломатические и торговые связи с Западным краем и разузнать побольше о его странах. Сведения, добытые Пэй Цзюем и другими исследователями Западного края, пригодились, когда Китай начал проводить активную внешнюю политику. К империи были присоединены земли племен туюйхунь (в Восточном Цинхае), а правители Тюркского каганата признали «старшинство» Китая. Еще в 629—630 гг. китайские войска разгромили Восточный тюркский каганат, в результате чего империя утвердила свое преобладание на Великом шелковом пути.

Активизировавшиеся связи Китая с кочевым населением Центральной Азии в конце периода VI—VIII вв. начинают проявляться и в искусстве. На распростра-

нение продукции из Центральной Азии в пределы Китая указывает практически весь набор композиций и изображений, связанный с ритуально-пиршественной утварью.

Расцвет торговли по Шелковому пути пришелся на VII — первую половину VIII в. В первые полтора века Танской империи продолжала функционировать система путей, описанная в начале VII в. Пэй Цзюем. В 717 г. при перестройке города Инчжоу на северо-восточных границах империи Тан для торговых людей из Согда были отведены специальные кварталы. Деятельность и передвижение согдийцев, как и вообще иностранцев, контролировались китайскими властями, но эдиктом 628 г. им было разрешено брать в жены китайянок, хотя увозить их из Китая запрещалось. Из Персии в Китай проникли религиозные учения — зороастризм, несторианское христианство и манихейство, позднее — ислам.

Дипломатически связи с зарубежными странами в период Танской династии осуществляются в виде обмена посольскими миссиями в соответствии с уже упомянутой нами доктриной универсальности власти китайских государей как посредников между обожествляемыми Небесами и Землей. Прибытие к китайскому двору иноземных посланцев официально трактовалось как выражение подтверждения вассальной покорности. Китайские же посольства за рубеж везли «указы» иноземным правителям с жалованием им китайских титулов. Активизация внешней политики и расширение зарубежных связей в VII—VIII вв. повлекли за собой увеличение торгового оборота с другими странами. Государства Центральной Азии (Фергана, Самарканд и др.), страдавшие от вторжений тюрков, тибетцев и арабов, искали поддержки у танских императоров. В 751 г. китайская армия под начальством Гао Сяньчжи перешла через Тянь-Шань в Центральную Азию, но здесь была остановлена арабами в битве на р. Талас. В результате был положен конец военному присутствию Танской империи в Центральной Азии, а основные центры трансконтинентальных связей были перенесены на юг.

Середина VIII в. явилась переломным моментом в системе международных связей Китая с Центральной Азией. Это связано с переходом западной части Шелкового пути под арабское влияние после поражения китайцев в Таласской битве в 751 г. Другим важным событием явилось то, что вследствие тибетского вторжения в Восточный Туркестан и Западный Китай во второй половине VIII — начале IX в. весь центральный участок Шелкового пути попал под тибетский контроль. В результате этих политических событий были прерваны налаженные межконтинентальные связи. Появилась необходимость искать обходные дороги.

Хотя сухопутная дорога через Кашгарию — одно из ответвлений Великого шелкового пути — действовала и в позднетанское время, ведущую роль в развитии трансконтинентальных связей стала играть южная, морская трасса, протянувшаяся от южнокитайского порта Гуанчжоу до Персидского залива. В портах юга Китая были созданы колонии мусульман, имевших свои мечети, кладбища, базары. Большинство в них составляли арабы. На юге Китая появляются крупные колонии персов, большинство из которых к IX—X вв. после арабского завоевания и исламизации Ирана становятся мусульманами.

Таким образом, существование внешнеполитических доктрин «ди го» и, особенно, «мироустроительной» заложили основу для реализации китайской стратегии распространения своего политического влияния на возможно более обширную территорию. Открытие и функционирование Шелкового пути, по которому и осуществлялись внешнеполитические контакты со странами Запада и Севера, способствовало реальному воплощению мироустроительных идей.

Археологические исследования, интенсивно проводимые с начала XX в. в пустынях, степных, горных и предгорных районах Восточной и Центральной Азии, существенно уточнили данные письменных источников. Они не только подтвердили существование, но и определили реальные этапы и масштабы функционирования Шелкового пути [7, 2, 14]. Шелковый путь оставался основной трассой, по которой перемещались товары и поддерживались международные торгово-дипломатические отношения. Но также он стал важной дорогой для бегства на Восток манихеев, несториан и других изгнанников [8. С. 70—71]. В конечном счете, именно по этому пути в Китай проник буддизм.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Думан Л.И.* Учение о Сыне Неба и его роль во внешней политике Китая // Китай: традиции и современность. — М.: Наука, 1976. — С. 28—51.
- [2] *Иерусалимская А.А.* О северокавказском «шелковой пути» в раннем средневековье // Советская археология. — 1967. — № 2. — С. 55—78.
- [3] *Конрад Н.И.* Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. и исслед. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 404 с.
- [4] *Конрад Н.И.* У-цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. и коммент. — М.: ИВЛ, 1958. — 131 с.
- [5] *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Изд-во восточной литературы, 1961. — 391 с.
- [6] *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути: Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая (Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования»). — М.: Наука, 1994. — 325 с.
- [7] *Лубо-Лесниченко Е.И.* Шелковый путь в период шести династий (III—VI вв.) // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. 19. — Л., 1978. — С. 12—25.
- [8] *Луконин В.Г.* Культура сасанидского Ирана. — М.: Наука, 1969. — 240 с.
- [9] Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке / Отв. ред. И.А. Стучевский. — М.: Наука, 1987. — 311 с.
- [10] *Чугуевский Л.Н.* Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока. — Вып. X. — 1971. — С. 147—156.
- [11] *Bielenstein H.* Diplomacy and Trade in the Chinese World 589—1276 // Handbook of Oriental Studies (Handbuch der Orientalistik). — Leiden: E.J. Brill, 2005.
- [12] *Brough D.* Comment on Third Century Shan-shan and the History of Buddhism // Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. — Vol. XXVIII. — 1965. — P. 582—612.
- [13] *Di Cosmo N.* Ethnography of the Nomads and 'Barbarian' History in Han China // Intentional History: Spinning Time in Ancient Greece / Ed. Lin Foxhall et al. Alte Geschichte. — Stuttgart: Franz Steiner, 2010. — P. 299—325.
- [14] *Stein A.* On ancient Central Asian Tracks. — Chicago. London: University Chicago Press, 1964.

GENESIS OF CHINA'S RELATIONS WITH CENTRAL ASIA IN PRE-MONGOL PERIOD

E.B. Barinova

World History Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the forming and development of international relations between China and Central Asia in the pre-Mongol period. Since ancient times, the foreign relations of China depended on government policy. In the Middle Ages was dominated by the principles of relations based on mutually beneficial trade cooperation.

Key words: China, Central Asia, pre-Mongol period.